

возят бо вещи из земли в землю, иде же чево несть, отинуде превозят. Море бо совокупляет воедино всех нас, да любим друг друга и хвалим чинотворца хитреца-бога». Концовка «да любим друг друга и хвалим чинотворца хитреца-бога», — то, чего нет у Феодорита, остановившегося в своих толкованиях на признании «пользы» всего сотворенного в мире, созданного «человеком на потребу». ⁴⁸ Аввакум же вводит в свое толкование мысль о необходимости любви в отношениях людей — один из основных мотивов всех его писаний. И тут же возникает контрастирующая с этой мыслью картина «нынешнего» «лютото времени»: «Мы же несть тацы суть, не хошем бо обще стяжания иметь, но вся хошу мне собрать, яко несытый всеядец. Аще бы ми возможно, вся бы вещи морския и земския во утробу свою вместил».

Образ жадного богача дополняется образом «раздувшегося», по выражению Аввакума, священника-лицемера, о котором Аввакум пишет в толковании того же 25-го стиха: «Кажутся яко постницы, даже вящши чин улучат. Егда же въздет на высоту, тогда от воздержания и раздует его девство. Где ся у святаго отца кожа възмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная». А несколько раньше, поучая «духовных детей» воздерживаться от вина, Аввакум вспоминал о пьяных попах и чернецах, которые, «яко богомольцы», «всегда жрут жертву пьяному Дионису».

Так возникает у Аввакума противопоставление прекрасного божьего мира отсутствию любви между людьми, отсутствию «общего стяжания», насилию властей, лицемерию духовных пастырей. С одной стороны, бог, «строющий человеческую жизнь», а с другой — «злые и лукавые власти», «никониане-человекоубыцы», усилиями которых «тмы тмами и тысяща тысящами погублено народу».

Именно в этом соединении темы красоты божьего мира с обличением «житейской скверны», нашедшей, с точки зрения Аввакума, самое сильное воплощение в никонианстве, проявляется новая трактовка Аввакумом традиционной темы восхваления бога. Неприятие Аввакумом «лютото нынешнего времени» звучит в Послании еще сильнее от этого противопоставления.

Как уже отмечали исследователи, отнюдь не традиционными являются у Аввакума и его приемы толкования текста.

Его религиозному сознанию, воспитанному средневековым богословием, были близки символические образы христианской литературы. «Еродий — Христос», «кедри — святии божий, на них же Христос селитбу имать; ливан — благодать духа святаго... птицы — беси со диаволом живучи блазнят в тех же недрах», — пишет Аввакум о 17-м стихе 103-го псалма. Но, как указывает Д. С. Лихачев, «отвлеченная церковно-библейская символика становится у него конкретной, почти видимой и осязаемой». ⁴⁹ Аввакум пытался осмыслить традиционные символические образы в сфере своих представлений о человеческой жизни. Так, в аллегории «хлеба — тела Христова» и «вина — крови его» Аввакум видит реальные хлеб и вино православного причастия. 18-й стих псалма «горы высокия — еленем, камень — прибежище зайцем» воспринимается Аввакумом с помощью образов-символов, созданных Афанасием Александрийским: «Елени, глаголет, пустынницы», «камень, глаголет, церковь божия; зайцы — христиане православные». Но, осмысляя эти образы, Аввакум разрушает их символический, отвлеченный характер, сравнивая христианина, спасающегося

⁴⁸ Там же, л. 159.

⁴⁹ Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2), стр. 322.